

Конфронтационное партнерство

И что же век тебе принес?
Безумие и опыт.
Быть или не быть — таков вопрос,
Он твой всегда, Европа.

Юрий Кузнецов

Программа «Восточное партнерство» (ВП) вряд ли бы стала предметом пристального внимания как ученых, так и политиков, если бы не тяжелейший кризис, разразившийся по итогам неподписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС в ходе Вильнюсского саммита 28—29 ноября 2013 года. Государственный переворот и последовавшие за ним события, триггером которых во многом и стал саммит ВП в Вильнюсе, обернулись катастрофой не только для восточной политики ЕС. Произошла разбалансировка всей системы международных отношений, что может привести к эскалации напряженности уровня Карибского кризиса 1962 года.

Украина как *casus belli*

Необходимо отметить, что конфликтогенное наполнение программа, направленная на шесть республик бывшего СССР — Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Молдову и Украину, получила уже в момент своего рождения. В мае 2009 года на первом, Пражском, саммите ВП по инициативе Польши и Швеции была обозначена цель «ускорения политического объединения и углубления экономической интеграции между ЕС и странами Восточной Европы и Южного Кавказа»¹. Позднее, 13 декабря 2010 года, на встрече министров иностранных дел ВП была особо подчеркнута «стратегическая важность партнерства как способа

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна — профессор МГИМО(У) МИД РФ, доктор политических наук.
РУДОВ Георгий Алексеевич — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, профессор, доктор политических наук.

Ключевые слова: Европейский Союз, «Восточное партнерство», Россия, украинский кризис, мировая политика, мировая экономика, постсоветское пространство, Украина, Литва, европейское единство.

¹ Восточное партнерство: путь к стабильности и процветанию. — www.enpi-info.eu/files/interview/eastern%20partnership_RU.pdf

углубления и укрепления отношений между ЕС и странами-партнерами, ускорения их политической ассоциации, экономической интеграции и приближения к ЕС»². Помимо этого акцент делался на «расширение пространства действия европейских ценностей и законов через принятие странами-партнерами законодательных норм и правил ЕС»³.

Такой подход серьезным образом обострил системные противоречия, копившиеся весь постсоветский период развития Украины, на которую и была сделана ставка Вильнюсом во время председательства Литвы в ЕС (1 июля—31 декабря 2013 года). В результате именно Вильнюсский саммит ВП в ноябре 2013-го, за неделю до которого украинское правительство, сославшись на объективные причины — необходимость разработки финансово-экономических механизмов помощи Украине при переходе на новую стадию евроинтеграции, — приостановило процесс подготовки к подписанию ассоциации с ЕС, стал детонатором кризиса. В связи с этим стоит напомнить, что Азербайджан также отказался подписать в ноябре 2013 года соглашение об ассоциации с ЕС, мотивируя это, по сути, так же, как и Киев. Об этом официально заявил зам. главы администрации президента республики Н. Мамедов: «Мы не сможем принять предлагаемое соглашение об ассоциации. Мы хотим подготовить документ, более адекватно отвечающий уровню наших отношений и сотрудничества с Евросоюзом»⁴. Однако такое решение Баку не вызвало активного противодействия со стороны ЕС и США, а вот против Киева были предприняты самые радикальные действия.

Брюссель и ведущий внерегиональный игрок — Вашингтон с самого начала евромайданного кризиса, разразившегося в конце 2013 года, «выразили однозначную симпатию протестующим против действующего правительства»⁵. После смены власти 22 февраля 2014 года именно Вашингтон оказал политическую и экономическую поддержку новому руководству в Киеве, а если говорить прямо — что и отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров в своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности 7 февраля 2015 года, — США самым непосредственным образом поддержали государственный переворот. При этом Штаты выступили архитектором дипломатического и санкционного давления на Россию, которую, как только развитие ситуации пошло не по вашингтонскому сценарию, обвинили в попытках подорвать территориальную целостность Украины. Более того, с лета 2014 года США фактически свернули свое участие в попытках международного урегулирования кризиса. Раз за разом Запад «выдавал индульгенции киевским властям, которые вместо выполнения обещаний о начале общенационального диалога начали масштабную военную операцию,

² Восточное партнерство: путь к стабильности и процветанию.

³ **Винокуров Е. Ю., Кулик С. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.** Тулик борьбы интеграций в Европе. М.: ИНСОП, 2014. С. 8. — www.insor-russia.ru/files/INSOR20140620.pdf

⁴ См. www.km.ru/world/2013/11/25/evropeiskii-soyuz-es/726011-azerbaidzhan-otkazalsya-ot-assot-siatsii-s-evrosoyuzom

⁵ **Истомин И.** Новая роль США в украинском кризисе? Возможности и ограничения для России. — http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5182&active_id_11=51#top

объявив “террористами” своих граждан, не согласных с антиконституционной сменой власти и разгулом ультранационалистов»⁶. Все действия наших заокеанских контрагентов и их европейских последователей изначально были направлены на эскалацию кризиса.

В оценке роли США в украинском кризисе весьма показательны и интервью Б. Обамы, данное Ф. Закарии для CNN 1 февраля 2015 года. В частности, Обама проговорился, что «мы (США. — *Е. П., Г. Р.*) выступили посредником в переходе власти на Украине...». Иными словами, Вашингтон больше не стесняется говорить о своих намерениях и попытках сменить неудобные власти в странах по всему миру. Более того, в рассказе о дальнейших планах Вашингтона Обама высказался за однозначное продолжение так называемого двухстороннего курса, что означает «усиление давления на Россию и укрепление Украины»⁷.

Итак, организация и действия так называемого Евромайдана, который согласно риторике новых киевских властей называется теперь «Революцией достоинства», привели не только к государственному перевороту в Киеве, но и масштабному противостоянию между Россией с одной стороны, ЕС и США — с другой. «Будущее Украины перестало быть собственно украинским делом, превратившись, скорее, в повод, контекст для глобального переустройства геополитической системы координат»⁸.

В таких условиях потребность незамедлительного и внимательного пересмотра не только концептуальной основы, реального наполнения и главенствующих мотиваций ВП, стратегий ключевых и солидаризирующихся игроков этой европейской инициативы, но и отношения к ней на всех уровнях российской внешней политики объективна и закономерна. Еще одним усиливающим внимание к ВП фактором является парадигма создания общего гуманитарного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, а точнее — (не) перспективы и (не)возможности ее реализации.

«Восточное партнерство»: удушье в объятиях?

Изначально программа ВП была лишь одним из направлений общей Европейской политики соседства (ЕПС). Данная политика после масштабного расширения ЕС в 2004 году предлагала привилегированный характер отношений Евросоюза с новыми соседями, который, по сути, не имел четких нормативных очертаний, но нес риторику распространения европейских ценностей и законодательных нормативов на соседние страны. В то же время ЕПС не гарантировала предоставления им перспективы присоединения к Евросоюзу на основе полноправного членства.

⁶ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе дискуссии на 51-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 7 февраля 2015 года. — www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5E26BDE162FEC0E643257DE5004B5FE0

⁷ См. <http://edition.cnn.com/videos/tv/2015/01/31/exp-gps-obama-sot-putin.cnn/video/playlists/fareed-zakaria-interviews-president-obama/>

⁸ **Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н.** «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. 2014. № 5. С. 20.

Тем не менее с момента своего запуска на Пражском саммите в 2009 году программа ВП была направлена на наращивание экономического, политического и культурного влияния ЕС в странах восточного приграничья в противовес российскому влиянию. По словам С. В. Лаврова, «программа “Восточное партнерство” с самого начала вопреки нашим предупреждениям и предостережениям развивалась келейно, и стало ясно, что она была задумана на основе логики игр с нулевым результатом, как инструмент противодействия интеграционным процессам с участием России»⁹.

Такая политика не только серьезным образом осложнила региональное взаимодействие и создала зону отчуждения, нестабильности, но и сформировала «континентальный разлом»¹⁰. Украине в процессе обнуления российского влияния на постсоветском пространстве отводилась ключевая роль. Это касается как политических, так и экономических параметров. Причем о последствиях «разлома» младореформаторы европейского пространства предпочитают вообще не говорить.

Междутем масштаб вероятных потерь для Украины от снижения торгово-экономических отношений с Россией и Таможенным союзом, по данным на июнь 2014 года, эксперты Института современного развития (ИНСОР) оценивали в 33 миллиарда долларов на годовом уровне, или 19 процентов украинского ВВП в 2013 году. При анализе учитывалось возможное снижение экспортной выручки, привлеченных инвестиций и миграционных доходов, повышение цен на газ и сокращение трубопроводного и иного транзита, свертывание кооперационных связей и другие последствия «объятий» Евросоюза. В полном объеме реализация «шокового» сценария для российско-украинских отношений, по мнению ИНСОРа, могла стоить Украине более 100 миллиардов долларов. Сегодня очевидно, что это был лайт-прогноз. Потери Украины по итогам полномасштабной войны на юго-востоке страны и открытой конфронтации с Россией, которая ведет к практически полному обнулению экономических связей (за исключением энергетики и то — пока), исчисляются совсем в других цифрах.

Справедливости ради нужно сказать, что катастрофически выглядели как краткосрочные, так и долгосрочные перспективы для Украины сразу после государственного переворота. Весной—летом 2014 года эксперты полагали, что необходимый объем финансирования дефицита текущего платежного баланса для обеспечения устойчивости экономики страны в 2015—2018 годах будет составлять 85 миллиардов долларов в инерционном сценарии. Потребности развития, по их мнению, требуют на порядок большего финансирования: 190 миллиардов долларов до 2019 года для обеспечения необходимой капитализации экономики и 300 миллиардов долларов для преодоления структурных диспропорций в экономике, накопленных за последние 20 лет¹¹.

⁹ Лавров: Россия готова к консультациям с Евросоюзом. — www.rg.ru/2014/04/11/konsultacii-site.html

¹⁰ См. **Винокуров Е. Ю., Кулик С. А., Спартак А. Н., Юргенс И. Ю.** Тупик борьбы интеграций в Европе. С. 5.

¹¹ См. там же. С. 6.

Такие гигантские цифры взяты не с потолка. Экономические потери Украины только в результате переориентации с РФ на ЕС определены целым рядом факторов. Назовем лишь некоторые. Так, наиболее значимым оказался ущерб Украины от сокращения экспортных поставок Украины в Россию и другие страны Таможенного союза (ТС). До кризиса в географической структуре экспорта Украины страны ТС занимали первое место среди групп стран, имея удельный вес в 2010—2013 годах около 30—35 процентов. Страны ЕС выступают вторым по значимости партнером Украины по экспорту: их доля до кризиса составляла 25—26 процентов.

Однако дело не столько в 10-процентной разнице, сколько в том, что Россия выступала крупнейшим контрагентом Украины в экспорте, в разы опережая любую другую страну. Эксперты ИНСОП фиксировали, что в 2013 году на Россию пришлось 24 процента экспорта Украины, тогда как на Турцию, второго по значимости партнера, — только 6 процентов, на Китай и Египет — по 4,3 процента, на Польшу — 4 процента. При этом доля России в экспорте Украины достигала 29 процентов, а по ряду товаров и товарных групп доходила до 70—80 процентов.

Так, в 2013 году в экспорте Украины на Россию пришлось 82 процента полиграфической продукции, 71 процент бумаги, картона и изделий из них, 65 процентов спиртных напитков, 61 процент транспортных средств (в том числе 71 процент железнодорожной техники и 46 процентов автотехники и комплектующих), 58 процентов шоколадных изделий, 55 процентов молочной продукции, 53 процента изделий из камня, керамики и стекла, 48 процентов машин и оборудования, 46 процентов мяса, 44 процента плодоовощной продукции, 40 процентов мебели, 39 процентов химических товаров (кроме удобрений), 33 процента изделий из черных металлов¹². Потеря для Украины рынков стран ТС и российского прежде всего сравнима с катастрофой еще и потому, что возможности по переориентации поставок данной продукции на другие национальные рынки весьма ограничены, если не невозможны.

В настоящее время на фоне практически полного уничтожения инфраструктуры юго-востока Украины и полной разбалансировки экономики страны в целом вряд ли актуален разговор о «накопленных за последние 20 (напомним — мирных) лет структурных диспропорциях». Если же посмотреть на цифры, то, по словам А. Яценюка, Украина из-за ситуации на Донбассе уже потеряла 20 процентов своей экономики, а внешний госдолг страны достиг 30 миллиардов долларов, что по курсу на конец года составляло 30 процентов ВВП. Кроме того, в 2015 году Киев должен погасить долги на 11 миллиардов долларов. При этом золотовалютные резервы Киева не превышают 6,5 миллиарда долларов¹³. И это — официальные цифры. Реальность гораздо страшнее. Как верно отметил М. Г. Делягин, «украинская экономика исчезает и будет исчезать дальше, она нежизнеспособна». В этом — одна из главных причин

¹² См. там же. С. 57—67.

¹³ См. <http://lenta.ru/news/2015/02/27/yatsenyuk/>

войны. «Это единственный способ контролировать 30 миллионов человек, которым нечего есть. Война нужна не для победы, а чтобы отвлечь людей от текущей ситуации. Показывая при этом, что все очень хорошо, в страну приходят иностранные инвестиции, идет успешная борьба с инфляцией и прогрессивные реформы в экономике»¹⁴.

Такие колоссальные потери не сможет покрыть ни одна ни то что европейская, но и мировая программа. Если же посмотреть на возможности ВП, то они весьма и весьма ограничены.

Таблица

Размер ассигнований со стороны ЕС странам ВП (2010–2013 годы)

Страны «Восточного партнерства»	Размер ассигнований (евро)
Азербайджан	82,5 млн
Армения	186,8 млн
Белоруссия	73,1 млн
Грузия	239,9 млн
Молдова	366,6 млн
Украина	526 млн

Источник: **Офицеров-Бельский Д.** Стратегия и идеология в проекте ЕС «Восточное партнерство». С. 7. — www.foreignpolicy.ru/uploads/banners/3/Ofitserov-Belskiy%20D.%20Eastern%20Partnership%20February%202014.pdf

При этом бюджет «Восточного партнерства» до 2013 года составлял лишь 600 миллионов евро, что сложно считать высоким уровнем финансирования. Тем более если соотнести эту сумму с амбициозными целями программы и количеством стран, включенным в нее. А на фоне тех убытков, которые, в частности, Украина несет уже сейчас и понесет в будущем, евроассигнования вообще сложно будет заметить в процессе коллапса всей украинской экономики.

Объем финансирования ВП на период 2014–2020 годов, судя по всему, будет находиться на уровне предыдущего периода. Это также характеризует внимание к восточной политике и экономические возможности, которые сейчас существуют в ЕС для ее реализации. Поэтому очевидно, что экономический контекст уже сегодня является сдерживающим фактором «Восточного партнерства». В случае прогнозируемого рядом экспертов ухудшения в ближайшем будущем экономической ситуации внутри самого ЕС данное обстоятельство станет серьезной преградой для некоторых вариантов развития программы ВП. В то же время нельзя снимать со счетов и тот факт, что сама программа может быть использована как эффективный инструмент достижения экономических целей как ЕС, так и ТНК¹⁵.

Очевидно, что если кто-то теряет, то кто-то приобретает. Что же касается Украины, то главными бенефициариями продолжающегося кризи-

¹⁴ **Деягин М. Г.** Голодомор вернется на Украину в этом году. — <http://delyagin.ru/articles/84669-golodomor-vernetsya-na-ukrainu-v-yetom-godu.html>

¹⁵ См. **Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н.** «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. С. 30.

са являются транснациональные игроки, которые получили доступ к ресурсам (по бросовым ценам) и рынкам сбыта. Национальные интересы Украины при таком раскладе не учитываются вообще. Причем, если для поддержания социальных программ и процессов реформирования украинской экономики средства будут выделяться из бюджета ЕС, то есть поступать от налогоплательщиков Евросоюза, то интернационализировать ресурсы будут ТНК. В связи с этим вспоминаются слова У. Бека, который с присущим ему сарказмом писал: «...что хорошо для “Дойче-банка”, давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства»¹⁶.

Что же касается ситуации внутри ВП, то Украина полностью затмила Молдавию, которая до Вильнюса рассматривалась некоторыми экспертами в качестве фаворита ЕС. Действительно, малый размер страны и фактическая рас-

«Ценностная дипломатия» рассматривается как инструмент по повышению внешнеполитической роли Японии в Тихоокеанской Азии, формированию вокруг японских границ стабильной международной среды, а также как элемент системы обеспечения безопасности, служащий дополнением союзу с США. При этом американский фактор играет ключевую роль.

продажа всего и вся европейским компаниям располагали к «относительно легкому ее поглощению Евросоюзом»¹⁷. Однако Молдавия по статусу и значению несравнима с Украиной, поэтому и не могла стать «историей успеха» даже в формате «Восточного партнерства». Собственно поэтому подписание ею (как и Грузией) соглашения было воспринято достаточно спокойно как в экспертном сообществе, так и в политических кругах ЕС. Тем не менее российская внешняя политика не может сбрасывать со счетов даже такой малый «утешительный» приз еврочиновников, так как ассоциация с ЕС бывших республик СССР непосредственным образом отражается на двусторонних отношениях России и новых независимых государств.

Помимо экономических факторов евроинтеграции в этом процессе активно задействованными оказываются факторы позиционирования младоевропейцев, среди которых ключевая роль по втягиванию в

¹⁶ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 19.

¹⁷ Waal T. EU Expansion: Dead in the Water? // The National Interest. April 12, 2011.

орбиту ЕС новых партнеров принадлежит Польше и странам Балтии. У этих стран благодаря ВП появилась редкая возможность выступать с инициативой и собственным мнением (как минимум на стадии вынесения предложений) на европейской арене. «Молодые государства Европы смогли почувствовать себя “еврограндами” по отношению к еще более новым, пока только возможным “европейцам”. Думается, правильное даже говорить об общей активизации внешней политики в условиях, когда направленность усилий в отношении “буферной зоны” в лице еще не аффилированных с Западным сообществом государств оставалась, пожалуй, единственной перспективной и просто свободной нишей»¹⁸.

Оценивая активность Польши и стран Балтии, следует, во-первых, помнить, что они не столько реализуют общеевропейские интересы, сколько являются проводниками американских. Во-вторых, их деятельность справедливо рассматривать в связи с официально принятой администрацией США концепцией «геополитического плюрализма», в рамках которой новый союзник в Восточной Европе, по мнению американской стороны, располагает «набором средств, необходимым для того, чтобы затормозить интеграционные процессы в СНГ»¹⁹. В данном контексте следует согласиться с выводом экспертов Российской ассоциации политической науки (РАПН) о том, что «страны Вышеградской группы будут и дальше использоваться в евроатлантической стратегии как вершина треугольника вклинивания в пространства бывшего СССР»²⁰.

В-третьих, нужно четко понимать, что сначала Польша, а затем Литва как новые «еврогранды» формируют свой курс по принципу антитезы всему российскому и впредь будут создавать «зону отчуждения» от России. Агрессивная русофобская риторика как часть националистической идеологии прибалтов стала привычной составляющей «Восточного партнерства», более того — одним из надежных его движителей.

Отдельного и особо пристального внимания заслуживает институционализация, легализация и легитимация неонацистских структур в «Новой Европе», которые главным врагом в дихотомии «свой — чужой» видят исключительно русских. Возможно, что небывалая поддержка политики киевских властей и ее карательных неонацистских батальонов со стороны новых «еврограндов» определена тем, что нацистский вирус уже давно поразил страны Балтии. И в организаторах и приверженцах «Свободы» и «Правого сектора» они видят единоверцев. Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что польско-балтийский сегмент ВП в силу своей русофобии и американоцентризма является одним из потенциальных источников нестабильности в самом Евросоюзе, поскольку постоянно нагнетает напряженность в отношениях с Россией.

¹⁸ Арляпова Е. С. Национализм — друг и враг «Восточного партнерства» // Международная жизнь. 2014. Сентябрь. С. 86.

¹⁹ Кучинская М. Новая парадигма польской восточной политики // Pro et contra. 1998. Т. 3. № 2. С. 20.

²⁰ Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. Председательство Латвии в ЕС—2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией: аналитический доклад / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РАПН, 2014. С. 31.

Что же касается России, то она так или иначе оказывается вовлеченной в любые политические инициативы ЕС, являясь, по сути, неучастующим участником ВП. Однако «отводимая России роль незавидна и варьирует в амплитуде от игнорирования по причине ее слабости до боязни по причине ее силы»²¹. Так или иначе, но вспоминаются слова А. С. Пушкина: «Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагоприятна»²².

Вне зависимости от того, как воспринимают Россию — как слабого или как сильного игрока, необходимо серьезно и взвешенно оценивать любые инициативы ЕС, в том числе и исходящие от стран «второго эшелона». Несмотря на явное поражение инициаторов ВП на Украине²³, стоит признать, что, пусть даже при неформальной поддержке США, «малые нации» смогли добиться выгодной для себя динамики политических процессов на постсоветском пространстве: не только элитные группы новых независимых государств Евразии, но и определенная часть их населения стремятся в ЕС и не желают видеть тяжелейших социально-экономических последствий такого сближения.

Стратегическое планирование предполагает четкую оценку реального положения дел. В случае с ВП необходимо знать, что, по мере роста российского фактора в мировой политике, задачи сдерживания нашей страны, поставленные кураторами перед новыми «еврограндами», серьезным образом актуализировались. Поэтому стратегия ускорения политического сближения и экономической интеграции с ЕС бывших советских республик, вне всякого сомнения, должна быть оценена как стремление достижения «доминирования на пространстве Северной Евразии и подчинения себе политики вышеназванных государств, в том числе в случае необходимости — посредством дестабилизации пространства»²⁴. Именно такое развитие событий мы наблюдаем сегодня.

Анализируя ВП, следует также помнить, что данная программа, как и ее конкретные саммиты (несмотря на провалы), решают очень важную задачу — являются поводами в информационной войне против России. Это очень важный момент, который ни в коем случае не должен быть упущен в оценке и планировании внешнеполитической деятельности.

²¹ Арляпова Е.С. Национализм — друг и враг «Восточного партнерства». С. 80.

²² Цит. по: Куняев С. Ю. «И бездны мрачной на краю...». М.: Голос-Пресс, 2014. С. 138.

²³ Важно отметить, что оценка Вильнюсского саммита как провального дается не только в отечественной литературе и СМИ. Так, наиболее критично по этому вопросу высказывались Financial Times, The Independent и The Economist (см.: Attention will shift to domestic issues in 2014 // The Economist. 10.12.2013; Europe needs to help Ukraine to escape Russia // Financial Times. 24.11.2013; «Eurasian Union»: Ukraine chooses to strengthen ties with Russia and reject historic trade deal with EU // The Independent. 21.11.2013). С решительной, и даже местами язвительной, критикой обрушилась на Вильнюсский саммит немецкая пресса (см.: Summit Flop: EU Needs New Russia Policy after Ukraine Debacle // Spiegel. 29.11.2013; A frosty meeting in Vilnius after EU snub // Deutsche Welle. 29.11.2013; Vilnius summit overshadowed by Ukrainian trade deal rejection // Deutsche Welle. 28.11.2013; After Ukraine, now what? // Deutsche Welle. 29.11.2013).

²⁴ Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией. С. 20—21.

Как бы мы ни привыкли к агрессивной риторике, она каждый раз должна получать соответствующую оценку.

Рижский этап ВП: модели и реалии

Несмотря на провал в ноябре 2013 года, программа «Восточного партнерства» была названа среди приоритетов председательства Латвии в Совете ЕС в первой половине 2015 года. В связи с этим Рига должна была заняться анализом дальнейших путей развития программы ВП с целью определения возможностей повышения ее эффективности. В то же время подготовка саммита в Риге, намеченного на май 2015 года, проходит на фоне отсутствия в Европе единого мнения как о путях дальнейшего развития программы, так и об основных направлениях внешнеполитической стратегии развития всего Евросоюза.

Тем не менее настоящего председателя ЕС — Латвию, которая будет «править» с 1 января по 30 июня 2015 года, отличает стремление переосмыслить стратегию внешней политики с целью поиска оптимальных моделей соседства. В результате ведущихся с начала 2014 года дискуссий внутри политико-экспертного сообщества республики сформировались два видения будущего ВП. Условно назовем их *модель Я. Урбановича* (по имени председателя фракции «Центр Согласия» в сейме республики и президента Балтийского форума) и *модель Э. Ринкевича* (глава МИД Латвии, ставший широко известным своим официальным признанием в гомосексуализме²⁵).

По мнению Урбановича, ВП нуждается в политике «смягчения» и развороте к России. Среди определяющих направлений этого процесса он выделяет: «аудит» программы с целью изъятия скрытых конфликтов интересов; отказ ЕС от категоричных требований к странам—участницам ВП в отношении общерыночных стандартов; отказ от антироссийской риторики, как и от логики «борьбы» за постсоветское пространство в целом, за передел сфер влияния; вовлечение в партнерство Москвы и создание формата многосторонней дискуссии с привлечением фокусных стран программы, ЕС и России; выстраивание восточной политики ЕС, исходя из предпосылки о заинтересованности России быть частью Европы для проведения собственной модернизации; акцент на выгоду от реализации программы не только для стран «Восточного партнерства», но и для России и других стран постсоветского пространства²⁶.

Как видим, Урбанович предлагает сделать ставку не на изоляцию России и конфронтацию с ней, а на сотрудничество и даже сотворчество в рамках Большой Европы.

Э. Ринкевич, с именем которого связаны наиболее громкие из недавних антироссийских шагов Латвии, придерживается совершенно противополо-

²⁵ В ноябре 2014 года в своем официальном «Твиттере» он написал: «Я с гордостью сообщаю, что я гей... Удачи всем вам». Это же сообщение появилось и на его странице в «Фейсбуке». Если ему гордиться больше нечем, отнесемся к нему с сочувствием.

²⁶ См. Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. Председательство Латвии в ЕС—2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией. С. 59—60.

ложной позиции. Успешное развитие ВП министр связывает, во-первых, с максимальным вовлечением США в реализацию ВП вплоть до переименования программы в «Евроатлантическое восточное партнерство».

Вторым важным изменением в программе должно стать включение в дорожную карту ВП не просто ассоциированного членства с весьма неопределенными преимуществами, но обещание полноценного членства в Евросоюзе, несмотря на его практическую нереализуемость.

В-третьих, Ринкевич предлагает реализовать так называемый диверсифицированный подход, согласно которому каждой стране—участнице ВП может быть предложена собственная мини-программа евроинтеграции, учитывающая особенности каждого конкретного случая. В этом вопросе он солидарен с Урбановичем: следует отказаться от требований соответствия экономик Восточных партнеров «общерыночным стандартам».

Следующий тезис Ринкевича касается повышения эффективности программы через усиление принципа «большее за большее». Министр считает, что «государствам “Восточного партнерства”, которые разделяют ценности ЕС и готовы провести все необходимые реформы, должны быть предложены перспективы более тесной интеграции с Европейским Союзом»²⁷.

Отдельного внимания заслуживает тезис об информационном противостоянии России. В этом вопросе Ринкевич даже более радикален, чем «20 пунктов “Восточного партнерства” после Вильнюса» — план «спасения» ВП, подготовленный Швецией и Польшей, включающий три блока.

Первый блок — «Укрепление видимости» — посвящен информационной сфере. В частности, в документе говорится о необходимости проведения информационных кампаний «Вместе сильнее» и противодействия дезинформации с привлечением экспертов и публичных персон. Особо проговаривается четкое информирование о важности и выгоде зоны свободной торговли и ассоциации с ЕС, а также «продвижение и публикация исследований, которые объясняли бы долгосрочные цели партнерства, включая и возможное воздействие России и Таможенного союза. Особую роль в информационном обеспечении ВП должны сыграть «отрицание необоснованных претензий на расходы» и целенаправленные действия в среде нацменьшинств²⁸. Однако если «20 пунктов...» предлагают, кроме всего прочего, создание позитивной картины будущего, акцентирование внимания на позитивных сторонах программы, то латвийский министр подчеркивает необходимость мер, ограничивающих российское информационное влияние, тем самым повышая градус конфликтности ВП²⁹.

Таким образом, *модель Ринкевича* является наиболее жесткой и конфронтационной. С одной стороны, она закладывает основу не только для

²⁷ Foreign Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership. — www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23-1/

²⁸ См. План спасения «Восточного партнерства». — <http://moldnews.md/rus/news/65539>

²⁹ Остальные два блока «20 пунктов...» называются «Отладка и повышение Партнерства» и «Поддержка развития в странах-партнерах» и посвящены экономике и вопросам регламентации программы.

конфликта между Россией и ЕС, но и предполагает более активное участие США в европейской политике. С другой — потенциально возможна информационная изоляция России. Не лишним будет указать и на то, что эта модель является наиболее ресурсозатратной, что не может не отразиться на политическом и экономическом климате всей Европы.

В связи с последним, информационным, тезисом Ринкевича весьма показательным является сделанный в ходе январской встречи латвийского министра с П. Порошенко акцент на «необходимости совместных усилий для противодействия информационной пропаганде со стороны России» и создании в связи с этим паневропейского... русскоязычного канала³⁰.

По мнению президента Украины, решение о создании такого канала могло бы стать одним из *практических* результатов саммита в Риге. Как отмечают аналитики портала Rubaltic.ru, сказанное означает, что европейские лидеры поставили перед латвийским руководством очень четкую планку возможных действий по реализации ВП, и планка эта — ниже некуда. Геополитическими и геоэкономическими вопросами младого государства ЕС больше не занимаются.

Однако не стоит пренебрегать потенциальной опасностью, которая исходит из подобного — паневропейского и русскоязычного — канала. Достаточно вспомнить, как профессионально сработала финансируемая Катаром «Аль-Джазира», когда необходимо было «поджечь» Ближний Восток. Подогреваемые «правильно поданным» информационным контентом массы буквально за несколько месяцев смели правительства в целом ряде арабских государств.

Рижский саммит ВП пройдет в мае 2015 года. По всей видимости, учитывая поражение политики давления, приведшей к коллапсу идею создания Большой Европы за счет включения в проект Украины, организаторы саммита уже сейчас пытаются всячески успокоить общественное мнение как европейских стран, так и России. В частности, 25 февраля 2015 года, выступая в Дипломатической академии Азербайджана, посол по особым поручениям латвийского МИД Ю. Пойканс заявил, что «саммит Европейского Союза в Риге не будет направлен на расширение Евросоюза. После Вильнюсского саммита в ЕС наблюдается очень сложный период. Отказалась от подписания ассоциативного соглашения с Евросоюзом Армения. Сейчас картина усугубилась сложившейся сложной ситуацией на востоке Украины»³².

В то же время посол отметил, что «в период председательства Латвии в Совете ЕС будут усилены отношения Азербайджана с Евросоюзом», и сделал пространственный намек на возможность помощи стран—членов ВП в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. При всех дифи-

³⁰ См. **Носович А.** Рижский саммит Восточного партнерства будет посвящен русскоязычному ТВ. — www.rubaltic.ru/article/politika-i-obschestvo/12012015-TV/

³¹ См. www.lsm.lv/ru/statja/politika/novosti/na-rizhskom-sammite-ne-budet-rechi-o-rasshirenii-vo-stochnogo-partnerstva.a119263/

³² См. **Арляпова Е.С.** Национализм — друг и враг «Восточного партнерства». С. 92.

рамбах, которые прозвучали в адрес Азербайджана как очень важного стратегического партнера ЕС, способного внести большой вклад в обеспечение регионального баланса, энергетической и политической безопасности, было озвучено стремление ЕС искать новые пути сотрудничества в вопросах демократии и прав человека. Последнее утверждение является косвенным подтверждением неизменности позиции ЕС по вопросам несоблюдения в Азербайджане политических прав и свобод. При определенных условиях такое положение вещей может послужить основой для давления на режим Алиева — как это имело место на разных исторических этапах применительно к Армении, Беларуси, Грузии, Украине.

В заключение следует отметить, что в новых исторических условиях Латвия как председатель ЕС и страна, принимающая у себя очередной саммит «Восточного партнерства», могла бы сыграть особую роль в развитии не только программы ВП, но и в формировании европейской повестки дня. Концептуальное изменение данной программы могло бы стать первым шагом к переходу от нынешнего противостояния к сотрудничеству стран Большой Европы. Однако Рига продолжает литовский путь, сопряженный с серьезными издержками политики тотального «сдерживания» России, что самым непосредственным образом отражается на общей безопасности всего региона и окончательно формирует формат ВП как конфронтационного партнерства.

Характерными чертами ВП в исполнении младогосударств ЕС были и остаются: низкая ориентация на европейские ценности и интересы вплоть до полного их игнорирования, что отчетливо показал Вильнюсский саммит; высокая подверженность влиянию извне и выраженная ориентация на проведение внешнеполитических интересов внерегионального игрока в лице США; доминирование националистической идеологии в форме агрессивной русофобии с нулевым потенциалом к коррекции курса с учетом изменившихся реалий.

Иными словами, будучи географически, экономически и юридически в составе ЕС, страны-локомотивы «Восточного партнерства» политически идут вразрез со странами-локомотивами Евросоюза, проводя приоритетно линию «третьей силы» во внешней политике ЕС. По сути, они являются не чем иным, как *агентами влияния внутри Евросоюза*, что должно быть эффективно учтено в российской внешнеполитической стратегии³³.

В связи с вышесказанным представляется, что инициаторы ВП не видят стратегической перспективы в создании и использовании возможностей интеграции западного и евразийского экономических пространств. Формирование Большой Европы от Лиссабона до Владивостока явно не входит в их планы. Однако первые шаги на пути

³³ См. Гаман-Юлутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. С. 30.

к этой цели, которая выгодна всем сторонам процесса, могли бы быть предприняты уже сегодня. Стартапом в этом сложном и долгом, но объективно востребованном процессе должно стать превращение Восточной Европы в зону соприкосновения двух пространств. Из геополитического барьера и тупика Восточная Европа могла бы превратиться в геоэкономический «шов», связывающий, «сшивающий» два экономических пространства³².

Сегодня Европа вновь оказалась перед выбором. Поистине прав поэт: «Быть или не быть — таков вопрос, / Он твой всегда, Европа». Однако, пока риторика и позиции новых «еврограндов» и их кураторов остаются антироссийскими, возможности использовать площадку ВП для создания общего гуманитарного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока не имеют никаких перспектив. Сегодня ВП — это проект, направленный против России, а значит — исключаящий какой-либо учет наших интересов и как следствие — участие в данной инициативе. А без России не может быть и Европы.

Похоже, что Европа уже сделала свой выбор: не быть. ◆

³² См. Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н. «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. С. 30.